

МУТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МИФА: КАК МЕНЯЮЩИЕСЯ ДИСКУРСЫ МИГРАЦИИ, ПАТРИОТИЗМА И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЛИЧНОСТИ ОПРЕДЕЛЯЮТ НАРРАТИВЫ О МИГРАЦИИ ПСКОВСКИХ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ (1991–2015 ГГ.).

Резюме

Элине Хелмер

Эта статья основана на полевом этнографическом исследовании, проведенном в Пскове среди российских студентов, изучающих иностранные языки. В фокусе внимания оказываются вопросы миграции, патриотизма и представлений о личности. Находясь в условиях постсоциалистического города, где легитимирован неолиберальный дискурс, сегодняшние студенты испытывают большое давление и вынуждены постоянно соотносить свою жизнь с понятиями развития и миграции. Мобильность в жизненной ситуации студентов российского периферийного города проявляет себя как важный новый пласт идентичности. Однако одновременно она ассоциируется с «нарративом бегства»: с дискурсивной формацией, берущей начало в мигрантских нарративах 1990-х годов. Отражая текущее состояние дискурса о национальном в российском обществе в целом, этот современный миф предостерегает сегодняшних студентов от открытого выражения намерений уехать из страны. Ключевым идентификатором национальной идентичности является сам язык и, соответственно, интерлингвистические медиаторы работают в той предельной зоне, где лояльность к национальному подвергается проверке. Опираясь на результаты этнографической полевой работы с разными поколениями студентов, изучающих иностранные языки, я пытаюсь ответить на вопрос о том, как меняющиеся дискурсы миграции, патриотизма и представлений о личности определяют нарратив студентов о миграции.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Для того чтобы контекстуализировать исследование, проведенное в Пскове, проследим сначала сдвиги, произошедшие в дискурсах миграции, патриотизма и представлений о личности в постсоциалистической России.

Первый из этих сдвигов касается дискурса миграции в целом. В моем исследовании рассматривается отношение людей к сравнительно продолжительным профессиональным (нетуристическим) типам пространственных перемещений, поэтому применительно к своим данным я использую понятие «миграция» вместо более общего понятия «мобильность». Эмиграция из Пскова (как и из других регионов России) достигла максимума в 1990-е годы. В эти годы эмигранты стремились покинуть страну на максимально долгие сроки, аннулируя свое право на жительство в России. После этой «четвертой волны» массовой эмиграции, вызванной началом перестройки, распадом в 1991 году Советского Союза и экономическим хаосом переходного периода, число эмигрантов уменьшилось. Сегодняшняя миграция все чаще носит временный и циклический характер: все больше людей оказываются «оседлыми в мобильности». Как правило, эти люди, проживая за границей, сохраняют свои связи с Россией: сдают в аренду свою квартиру, владеют бизнесом в России или работают на российские компании онлайн.

Второй сдвиг касается представлений о личности. Распространение в постсоциалистической России дискурса неолиберализма потребовало изменений в базовых представлениях о том, что значит быть самостоятельной личностью. В прошлом остались такие явления социалистического периода, как «работа на всю жизнь», и «Хомо Советикус», не обладавший ничем, кроме собственной «рабочей силы». Современный рынок труда гораздо более динамичен, переменчив и ненадежен, чем раньше. Это побуждает современного индивида смотреть на себя как на «набор ресурсов», требующих непрерывного развития. Взгляд на мобильность как на один из таких ресурсов тоже стал одним из последствий нарастающей экономизации социальной и институциональной жизни. Гибкость, способность к миграции и перемещениям оказались в той ситуации более выигрышными стратегиями по сравнению со стабильным проживанием в одном месте. Даже сами передвижения в пространстве приобрели особую важность, поскольку путешествия связываются с экзистенциальным развитием, с движением вперед.

Несмотря на то, что примерно половину всех эмигрантов из России составляют женщины, они не очень часто становятся объектом внимания исследований миграции. Основная часть литературы о женщинах-эмигрантках из России посвящена «интернет-невестам» и позиционирует этих женщин в рамках глобальной культурной экономики как неудачниц переходного периода. Объявления в интернете эксплуатируют укорененный в ориенталистском дискурсе миф о русской женщине как о женщине традиционалистских взглядов, покладистой и сексуальной. Исследователи, пишущие о русских «интернет-невестах», описывают этот феномен в экономических терминах, обозначая международный брак как «стратегию миграции». Аналогичным образом исследования восточноевропейских нянь и гувернанток, использующих программы культурного и

языкового обмена в качестве трамплина для миграции, фиксируют гендерно окрашенные представления о бегстве, спасении. Эти повсеместные стереотипы не только влияют на восприятие российских студенток за рубежом, но и увеличивают неприязнь к образу уехавшей женщины среди соотечественниц, оставшихся в России.

Третий и последний сдвиг, который необходимо обсудить в этой теоретической части, касается патриотизма. На протяжении 1990-х годов россияне страдали от недостатка чувства национального достоинства и страха оказаться «на периферии» современного мира. Постсоветская Россия переживает агрессивное возрождение ультранационалистического и неоимперского мышления. Европа столетиями выполняла для российской идентичности роль одного из «значимых других», примерно такую же, какую Восток, ассоциирующийся с опасностью и угрозой, выполнял для ориенталистски мыслящего Запада. Восстановление российского авторитаризма в период пребывания Владимира Путина у власти подразумевало извлечение выгоды из противопоставления «нас», то есть России, «морально разложившемуся Западу»; усиление изоляции страны с целью консервации ее культуры и общества. Нынешнее руководство России рассматривает Запад как угрозу, и многие россияне вновь открыли для себя прежнее ощущение жизни в «осажденной крепости». И эмиграция, и иммиграция предельно политизировались. С учетом массовой эмиграции 1990-х и стабильной нехватки трудовых ресурсов в определенном смысле неудивительно, что российское правительство в данный момент решительно не поощряет эмиграцию.

МЕТОДОЛОГИЯ

Эмпирическую базу исследования составили 27 качественных интервью с российскими студентами, изучавшими ранее или продолжающими изучать сейчас нидерландский язык в Псковском государственном университете. Три дополнительных интервью были взяты у Ивана Поды, инициатора программы изучения нидерландского языка в Пскове, и двух человек, активно участвующих в сотрудничестве городов-побратимов Пскова и Неймегена. Большинство интервью было взято во время двух периодов моего пребывания в Пскове, по неделе каждый, в январе и апреле 2015 года. Среди интервьюируемых – 24 женщины; преобладание женщин среди обучающихся характерно для факультетов, имеющих педагогическую направленность (в данном случае это факультет иностранных языков Псковского государственного университета), преподавание традиционно является в России, как и во многих других странах, феминизированной профессией. Основной переменный фактор – это возраст, варьирующийся от 18 лет до 41 года. Интервью проводились преимущественно на нидерландском и английском языках с периодическими вкраплениями немецкого и русского.

В настоящее время в Пскове насчитывается более 350 человек с дипломом Нидерландского языкового союза. Однако большинство из них не продвинулись дальше начального уровня. Девятнадцать человек, которых я интервьюировала на нидерландском, составляют ту часть студентов из Пскова, которая действительно

говорит на нидерландском. Эта группа наиболее интересна с точки зрения исследования восприятия эмиграции, поскольку владение языком является для них дополнительным преимуществом, облегчающим адаптацию в новых условиях.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Познакомимся с участниками данного исследования и с их взглядом на миграцию в целом. Две следующие части статьи посвящены рассмотрению локального контекста, в котором разворачивается базовый «нарратив бегства»: желание уехать против желания остаться.

Курс нидерландского языка в Псковском педагогическом институте организовал Иван Пода – автодидакт, радиолюбитель и преподаватель данной дисциплины. Пода запустил элективный курс нидерландского в 1991 году как часть программы партнерства между городами-побратимами Псковом и голландским Неймегеном. Само партнерство между городами было инициировано в 1987 году голландским движением «Женщины за мир» с целью борьбы со стереотипами времен Холодной войны. Я называю это первое поколение студентов нидерландского языка «поколением творцов мифа». Для молодых женщин, выросших при социализме, поездки за границу стали невероятно насыщенным опытом, и многие из них реализовали желание уехать из Пскова навсегда. То обстоятельство, что псковская программа нидерландского языка предоставляла возможность посетить Нидерланды, сделало ее чрезвычайно притягательной для студентов. Многие студентки были впечатлены качеством жизни в Нидерландах и полностью разочарованы Россией. Это разочарование приводило к стремлению дистанцироваться от той советской идентичности, с которой они выросли. Сегодня бывшие студенты воспринимают свои мигрантские амбиции того времени как закономерную часть новой ролевой модели, возникавшей на их глазах, – мобильного постсоветского человека. Они описывают свое решение (временно) мигрировать как сознательный шаг в сторону улучшения карьерных перспектив, а не как отчаянный побег. Для постсоветских поколений россиян неолиберализм стал социально и идеологически признанным дискурсом. Предельно одобрялись личностные характеристики, ассоциирующиеся с представлением об идеальном «предприимчивом» человеке, такие как независимость, индивидуализм, личная автономия, готовность рисковать, дух предпринимательства, гибкость и мобильность. Связи с советским прошлым были резко оборваны. Однако шансы поехать за границу были довольно невелики, бюрократия оказалась препятствием. Студенты использовали программы студенческих обменов или культурного и языкового обмена, чтобы как-то «зацепиться» и подольше остаться за рубежом. Многие бывшие студенты с большим чувством ностальгии вспоминают свои годы обучения в университете именно потому, что выехать за рубеж в то время было невероятно тяжело. Они подчеркивали, что, в отличие от современных студентов, они выросли в мире, совершенно отличном от того, который изучали. Истории успеха первых студентов, выехавших за рубеж, использовались для рекламы курса нидерландского языка. Первоначально это превратило недавних выпускников в постсоветские ролевые модели. Однако впоследствии их истории стали пред-

ставляться в более негативном свете. Несмотря на то, что «нарратив бегства» укоренен в реальном опыте людей, я попытаюсь взглянуть на дискурсивную роль, которую играет этот современный миф сегодня.

Другое поколение, фигурирующее в статье, – это сегодняшние студенты. Для тех, кто заканчивает филологический факультет в Пскове, наиболее естественным путем трудоустройства является преподавание. Поскольку зарплаты в этом секторе очень низкие, студентам приходится прилагать усилия по «маркетингу» их человеческого капитала ради обретения преимуществ перед другими в борьбе за дополнительные рабочие места. Знание иностранного языка рассматривается как «ценный вклад»: чем больше языков ты знаешь, тем лучше твои карьерные перспективы. С этой точки зрения выбор сравнительно мало распространенного иностранного языка (такого как нидерландский) – стратегический карьерный ход. Другая популярная стратегия борьбы с низкими заработными платами и ограниченными возможностями трудоустройства – переезд в Санкт-Петербург или Москву. Особенно типичен переезд в Санкт-Петербург: туда переезжает один из четырех мигрантов, покидающих Псковскую область. Привлекательность этого выбора объясняется значительной разницей валового регионального продукта (ВРП) между Псковом и Санкт-Петербургом. Учитывая то, что студенты выучивают по меньшей мере три иностранных языка и очень ценят финансовую состоятельность, престиж и карьерный рост, можно было бы ожидать, что они попытаются найти работу в более экономически развитых странах. Однако исследование показало, что современные псковские студенты вообще не готовы уезжать. Новый русский патриотизм влияет на их возрастающее желание оставаться в России. Изображение Запада как безнравственного «другого» и активное неодобрение эмиграции нынешними российскими властями препятствует какому-либо выражению желания эмигрировать со стороны студентов. Они дистанцируются от «нарратива бегства» и от связанных с ним коннотаций «отсталости». «Нарратив бегства» активно используется студентами прежде всего для описания людей из других, более бедных регионов, чтобы «защитить» свою собственную страну. Кроме того, «нарратив бегства» проецируется на опыт старшего поколения, то есть тех студентов, которые изучали нидерландский язык в 1990-е годы.

РАСШИФРОВЫВАЯ «НАРРАТИВ БЕГСТВА»

До этого момента я анализировала основание «нарратива бегства»: борьбу желания уехать с желанием остаться у двух разных поколений псковских студентов. Теперь я попробую расшифровать этот «современный миф», разобрав три его основных компонента: взгляд на мотивы экономической миграции, на гендерно окрашенное понятие «бегства» и на «Запад» в целом. Данный анализ показывает, каким образом «нарратив бегства» возникает на пересечении этих трех тем: миграции, патриотизма и представлений о личности.

У того поколения, которое изучало нидерландский язык в 1990-е, причины для отъезда из России были в первую очередь экономические, поскольку 1990-е

годы в России были крайне тяжелым периодом с этой точки зрения. «Нарратив бегства» отражает некритичное восхищение западным образом жизни, в особенности всем тем, что относится к области материальной культуры. Однако современные студенты не называют экономическую мотивацию в качестве причины для миграции. Дискурсивная сила «нарратива бегства» проявляется в том, что современные псковские студенты стесняются упоминать экономические факторы как нечто, влияющее на их решения, противодействуя таким образом стереотипу восприятия России как в значительной степени отсталой страны. Нынешнее политическое руководство России в достаточно радикальной форме продвигает патриотические идеи, так что образ отсталой страны, сформированный с западной точки зрения, воспринимается как неоправданный.

Создавая резкий контраст со стереотипом русской женщины как беспомощной и отчаянно ищущей способы покинуть родную страну, современные российские женщины воспринимают себя в качестве активных профессионалов. Даже если мужчина-голландец рассматривается ими как «хорошая партия», это не означает автоматически, что женщина будет готова покинуть свой дом, друзей и семью. И нынешние, и бывшие студентки в Пскове прекрасно осведомлены о существующих стереотипах в отношении российских женщин, что в свою очередь влияет на то, как они формулируют свои соображения по поводу миграции. И внутренние, и внешние навязанные гендерные стереотипы встречают полное неприятие у молодых россиянок. Чтобы дистанцироваться от этой негативной, карикатурной модели, они стараются не упоминать личные отношения как мотивацию для изучения нидерландского языка или миграции.

В 1990-е годы иностранные товары и стили жизни ценились в первую очередь благодаря тому, что они иностранные. Студенты, учившиеся в то время, рассматривали Нидерланды как часть большого гомогенного «Запада». Даже то обстоятельство, что Иван Пода никогда сам не был в Нидерландах, внесло свой вклад в создание воображаемого образа Нидерландов в представлении студентов. Одновременно люди стали видеть достоинство в тех навыках и той твердости, которые связаны с жизнью в более суровых условиях, и отзываться о цивилизации как о факторе, «портящем» эти ресурсы. Современный дискурс национального выстраивается с помощью этих нарративов, продвигая определенные черты характера в качестве «русских» и противопоставляя их западному «другому». Некритичная одержимость западным образом жизни, которую демонстрировали 1990-е, заменяется вновь обретенным энтузиазмом в отношении России как страны объединившейся нации. Параллельно с растущим патриотизмом приходит и более негативное отношение к Западу как к «другому», хотя этот «другой», также как и в 1990-е годы, носит воображаемый характер. Консервативный публичный дискурс в России построен на утверждении, что методы, выбранные европейскими странами для достижения нынешнего уровня развития, представляют для России негативный пример. Кроме того, в Пскове становится заметен контраст между европейским либерализмом и русским консерватизмом: позитивные оценки голландской открытости контрастируют с более негативными оценками в отношении мультикультурализма и миграционной политики Нидерландов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Это исследование позволило пролить свет на восприятие миграции среди псковских студентов, изучающих иностранные языки, начиная с 1991 года, и на влияние на это восприятие меняющихся российских дискурсов патриотизма, миграции и представлений о личности. Я проследила взаимосвязанные сдвиги во всех трех дискурсах и показала, каким образом они способствовали развитию «нарратива бегства». Центр этого нарратива составляет желание покинуть Россию, основанное на идеализированном опыте российских эмигрантов 1990-х годов. Для нынешних студентов, живущих в Пскове, «нарратив бегства» воплощен в историях миграции предыдущих поколений студентов. Первоначально их успехи за рубежом служили примером для других студентов, укладываясь в новую, только возникающую постсоветскую ролевую модель мобильной личности. Однако постепенно, под влиянием меняющихся дискурсов миграции, представлений о личности и национальном самосознании эти истории эволюционировали в «нарратив бегства». Современный миф, которым этот нарратив является, рисует более мрачную картину, где женщины отчаянно пытаются найти способ обменять «отсталую» Россию на идеализированный воображаемый Запад. В отличие от студентов 1990-х годов, сегодняшние студенты не выражают готовности мигрировать в принципе. Несмотря на свои неолиберальные установки, они не обнаруживают желания (даже временно) переехать за границу. Я попыталась показать, что дискурсивная сила «нарратива бегства» удерживает современных студентов от выражения желания мигрировать. Вместо этого студенты дистанцируются от этого нарратива, проецируя его на географических и поколенческих «других» и оберегая себя от всех негативных коннотаций «отсталости», которые он несет. Недавнее возрождение российского патриотизма подогревает одновременно национальные чувства и критический взгляд на Запад среди современных инициативных студентов, подкрепляя их желание остаться в России.

Перевод с английского Натальи Самутиной